На правах рукописи

Найман Евгений Артурович

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ

09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Томск 2004

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

После объявленного философией в середине XX столетия «онтологического поворота» интерес к анализу философских систем как специфических онтологий, раскрывающих метафизическую сущность человека, неуклонно растет. Философствование различного типа, рассматриваемое как разновидность специфического онтологического принуждения, сближается с различными видами художественной одержимости (литературной, музыкальной, архитектурной и т.д.).

Крайне актуальными в настоящий момент становятся попытки создания более или менее последовательно систематизированных концептуальных предпосылок для описания и объяснения онтологических процессов, выявления общих теоретических оснований оптимизации высказываний о метафизических проектах, являющихся их результатом.

Продолжается поиск таких эффективных методов анализа, которые бы привели к качественному улучшению наших знаний об условиях возникновения и строения философских онтологий. Необходимость создания новых методологических процедур обусловлена односторонностью существующих методов и отсутствием однозначного решения вопроса о структурно-генетических механизмах возникновения метафизических систем.

К сожалению, работ, описывающих подобные механизмы, катастрофически не хватает. Сложность анализа состоит в том, что важнейшие содержательные аспекты онтологии в большей части философских текстов выражены лишь как тенденции, характеризующиеся значительной поливалентностью. Возникает необходимость поиска такого действенного подхода, который бы позволил как можно глубже разрабатывать онтологические возможности важнейших метафизических проектов, высвечивая причины, создающие всю сложность и многовариантность онтологических процессов. В настоящее время требуется такой уровень анализа, который был бы способен осуществить всестороннее структурное акцентирование философской онтологии.

В свете этих актуальных задач данная работа предлагает концепцию, способную если не в полной мере справиться с подобными исследовательскими затруднениями, то в какой-то степени продвинуться дальше в этом направлении. Речь идет об эстетической реконструкции философской онтологии.

Поскольку неоднократно подчеркивалась роль художественного метода в системе философского мышления, то эстетический аспект метафизических систем зачастую связывают с их текстуальной природой. Анализ философской онтологии грешит поверхностным «текстуализмом», заключенным в почти магических формулах: «все понятия являются метафорами», «философия – разновидность литературы», «истина – риторический обман» и т.д. В этом значении эстетический подход неразрывно связан с лингво-семиотическими технологиями интерпретации философского текста. Однако эстетический анализ метафизических систем не сводиться к рассмотрению лежащих на поверхности коммуникативных или формально-риторических аспектов философских дискурсов. Место эстетического в философских онтологиях не может быть ограничено их экспозиционными возможностями и манифестациями.

Проблема эстетической реконструкции философской онтологии весьма актуальна в свете «эстетического поворота» в современной культуре. В этой связи Ю. Хабермас предупреждал об «эстетическом своеволии», К. Борер - о продолжающемся «терроре» эстетического, Р. Рорти называет

основания либеральной культуры «опоэтизированными», Ж. Бодрийяр твердит о ее «симуляционном характере», а Ф. Джеймисон – о тотальной эстетизации потребительского общества.

Однако же «эстетическая инфекция» распространяется не только на уровне материальной, социальной реальности, но фиксируется на более глубинных уровнях. Эстетизация становится проблемой не только отдельных конституентов реальности, а самой реальности как некой целостности. При этом эпистемологический и онтологический уровни эстетизации становятся наиболее фундаментальными.

Синхронность онтологического и эстетического «поворотов» в современной философии и культуре лишний раз свидетельствует об острейшей необходимости теоретического осмысления этих процессов в их тесной связи друг с другом.

Степень теоретической разработанности проблемы

Следует отметить, что эстетический подход к философской онтологии пока не сформулирован ни в концептуальном, ни в методологически систематизированном виде. Представленная диссертация впервые утверждает подобную исследовательскую программу как эффективное средство анализа онтологического познания. Отсутствие исследовательской традиции заставляет мотивировать данный тематический выбор широким обращением к историко-философскому материалу.

Основными источниками философского осмысления этетических оснований онтологии являлись работы классиков, таких как Аристотель, Кант, Платон, Гегель, Шеллинг, Дидро, Дильтей, Адорно, Деррида, Гадамер, Хайдеггер, Ницше, Кьеркегор, Шлегель, Фуко и др.

Проблема соотношения эстетики и философской онтологии вырабатывалась на протяжении всей истории формирования европейской философии. Уже изначально философия стремилась стать эстетической: поэтическая форма имела существенное значение для самых первых онтологических проектов (Парменид, Гераклит). Следующий этап: решительное исключение эстетики из предметной сферы философии, которая в попытках самоопределения требовала десакрализации и секуляризации за счет ограничения власти поэтического авторитета с помощью аргумента (Платон). Впоследствии осуществляется «регионализация» эстетики внутри философского знания: поэтическое познание становится философским объектом, а теория поэзии для метафизики превращается в региональную дисциплину (Аристотель).

В XVIII столетии эстетика для философии становится объектом систематической категоризации. «Эстетическое» представляет собой тематическую область классической философской онтологии, а эстетика превращается в метафизический дискурс, занимающейся концептуализацией искусства.

Первым критиком «эстетической региональности» был Гегель, провозгласивший растворение «эстетического» в философской онтологии. В системе Гегеля искусство, будучи «снято» в качестве регионального объекта, должно посвятить себя философии. В XX столетии тезис Гегеля о «конце искусства» был поддержан М. Хайдеггером и Х. Г. Гадамером. Первый резко критикует «субъективизм» эстетики, а второй предлагает включить эстетику в герменевтику. Онтологическая проблема понимания становится общей для эстетики и герменевтики. Эстетические концепты начинают трактоваться как онтологические.

Искусство более не мыслится в фокусе репрезентации, а раскрывает свою суть в нерепрезентативном модусе представления-присутствия. Гадамер сближает эстетическое и онтологическое познание: эстетический субъект значим не как субъект эстетической способности суждения, а как процессуально-игровой субъект. К этой же позиции можно отнести концепцию «эстетического события» М.

Бахтина, которая используется им в части критики философии самосознания при определяющем значении категории «другого».

Таким образом, с середины XX столетия «эстетическое» начинает рассматриваться в системе представления-присутствия, знаменующей тесное взаимопроникновение эстетики и онтологии.

В конце XX столетия усилиями таких философов как П. де Манн, Нанси, Фуко, Делез, Лаку-Лабарта, Лиотар, Бурдье, Рорти и Деррида было привлечено особое внимание к решающей роли эстетической рефлексии И. Канта в деле раскрытия нерепрезентативных источников мышления. По мнению вышеуказанных авторов Кант находился «вне» эстетики. Для немецкого мыслителя эстетика, в основе которой лежит трансцендентальный принцип, невыводима из общих рассуждений о феномене искусства и художественного творчества. Основой для эстетической рефлексии являются проблемы теоретического познания. Кант первым наметил путь к неэстетической интерпретации таких эстетических категорий как «прекрасное» и «возвышенное». Кроме того, у Канта эстетика занимает центральное место в философской системе, «снимается» в философии, обслуживая потенциалы философской деятельности.

И. Кант создает крайне усложненный тип отношения эстетики и философии, который имеет для данного исследования наибольшую ценность: эстетика обладает специфическими философскими функциями, становясь неотъемлемой внутренней частью философской деятельности. Кант первым отказался от разработки эстетики в качестве отдельной тематической области философского знания. Эстетические проблемы рассматриваются как философские. Немецкий мыслитель доказал, что возможность развития трансцендентальной эстетики основывается на критике теоретического познания.

К числу философов, предложивших онтологическую интерпретацию эстетических понятий, относится не только И. Кант с его теорией «прекрасного» и «возвышенного» (этой теме посвящены работы Ж. Лиотара, Ж. Нанси, Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Деррида, П. де Мана, Р.Гаше и др.). В один ряд вместе с ним можно поставить Д. Дидро с его пониманием «мимесиса» (Ф.Лаку-Лабарт), Гельдерлина с теорией «трагического» (Ф. Лаку-Лабарт, Ж.Нанси, Р.Жирар), Ф.Шлегеля с теорией «Witz» (Ж.Нанси, М. Франк).

В результате подобных интерпретативных стратегий эстетические понятия, помысленные в модусе присутствия, начинают выступать основным средством критики спекулятивно-идеалистических, субъективистских и метафизических теорий субъекта. Западная континентальная философия становится на путь создания «критической эстетики», способной переосмыслять эстетические понятия исходя из отношений, которые они выстраивают с «неэстетическими» областями духовной активности. На эту тему уже появился ряд интересных исследований. Например, монографии Дэвида Кэролла «Параэстетика: Фуко, Лиотар, Деррида» (1987) и Пола Кроутера «Критическая эстетика и постмодернизм» (1993).

Из зарубежной литературы, затрагивающей интересующие нас аспекты в самом широком методологическом ключе, следует выделить следующие работы: «Эстетическая теория» и «Кьеркегор: против эстетики» Т. Адорно, «Критика эстетического суждения» П. Бурдье, «Прозрачное общество» Д. Ваттимо, «Истина в живописи» и «Экономимесис» Ж. Деррида, «Эстетическая идеология» Т. Иглтона, «Типографии» Ф. Лаку-Лабарта, «Уроки по «Критике способности суждения» И. Канта» Ф. Лиотара, «Эстетическая идеология» Пола де Мана, «Эрос и цивилизация» Г. Маркузе, «Смех Гипериона» и «Взывающее возвышенное» Ф. Нанси, «Случайность, ирония и солидарность» Р.Рорти, «Homo aestheticus» Л. Ферри, «Забота о себе» и «Технологии Я» М. Фуко.

Анализ «возвышенного» в онтологическом ключе представлен исследованиями Ф.Лиотара, Ж.Нанси, Ф.Лаку-Лабарта, Р.Макрила, Р.Гаше, П.де Мана. Особого внимания заслуживает сборник

«Возвышенное: присутствие под вопросом» (1993), в котором приняли активное участие Ф.Лиотар, Ж.Нанси и Ф.Лаку-Лабарт.

Эстетическому анализу спекулятивной онтологии (Гегель, Шеллинг) посвящены работы Й.Читри, Т.Иглтона, С.Хоулгейта, П. де Мана, Р.Соломона, П. Зонди, Ч. Тэйлора. Необходимо отметить работы русских философов: Г.Флоровского, И.Ильина, Я. Голосовкера.

В отечественной литературе отсутствуют статьи и монографии, специально посвященные эстетическим аспектам философской онтологии. Существуют лишь единичные высказывания, обращенные к близкому нам кругу проблем. Например, обращают на себя внимание призывы Н.А. Кормина: «мотив эстетического исполнения философского метода служит предметом дальнейшего развития в современных исследованиях»[1]. Указывая на эстетические связки внутри философского метода, без которых невозможно понять его природу, Кормин подчеркивает актуальность разработки эстетического метода, когда бы эстетическое знание превратилось в методологию анализа философского знания. Российский исследователь высказывает очень важную мысль об эстетическом методе, «образующим внутреннее измерение философского метода»[2]. Снимая всякое сомнение в актуальности подобного типа исследовательских программ, Кормин указывает: «современная интеллектуальная ситуация обостряет внимание к построению неклассической эстетической методологии»[3].

В 70-х годах схожие идеи высказывал В.С.Библер, который неоднократно говорил о философии как тождестве мысли эстетической и теоретической в понятии. Во многом этому посвящена его работа «Мышление как творчество» (1975). Библер пишет: «Философия действует на читателя своим эстетическим началом. В методе философии (и в предмете) начало теоретическое существует лишь в переходе - в парадоксальнейшем переходе, в точке наибольшего осуществления - в эстетическое начало, в эстетический принцип движения мысли. Вряд ли стоит специально оговаривать обратимость такого перехода. Вот этот-то парадоксальный переход и есть единое начало самой философии»[4]. В 1974 году в работе «Гносеологические и логические основы науки» П.В. Копнин предупреждал: «…если эстетика будет только теорией искусства, она потеряет свою связь с философией, лишится гносеологической основы…»[5].

Однако подобные призывы не получили полноценного отклика в современной отечественной философской литературе. В настоящее время эстетическая концептуальность не актуализируется как средство критической активности, способной выявить существенные стороны философской деятельности. Эстетические понятия не раскрывают своего продуктивного потенциала внутри философской теории, не выступают средством анализа философского дискурса. Это разрушает теснейшую внутреннюю связь между эстетической и метафизической природой человека.

Необходимо вернуть, утраченное в современной философии, положение об эстетике как важнейшей составной части философской теории, выработать представление о месте эстетики и ее основных понятий в границах современной философской методологии. Поскольку эта методология во многом связана с критическими исследованиями границ самого философского дискурса, онтологии и теории субъекта, то и эстетика, должна, в определенной степени, изменить готовым дефинициям, известным с середины восемнадцатого столетия.

---

[1] Эстетический Логос. М.,1990. С.131.
[2] Там же. С.133.
[3] Там же. С.135.
[4] Библер В.С. Мышление как творчество. М.,1975. С.383.
[5] Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.,1974. С.255

Цель исследования

Основной целью предлагаемого диссертационного исследования является функциональное и смысловое определение философской деятельности с помощью основополагающих принципов эстетического познания, выявление эстетических оснований онтологического познания, использование эстетических понятий как критических концептов, способных раскрывать специфику метафизических процессов. Работа посвящена реконструкции системных связей, демонстририрующих взаимосопряжение и интерференцию философского и эстетического пространства. Перед исследованием стоит задача подчеркнуть такие особенности эстетического познания, которые входят в состав той необходимости, что заставляет субъекта философствовать и порождать метафизику.

Достижению поставленной цели призвано служить решение задач в предлагаемой последовательности.

1. Предоставить всесторонний анализ логико-исторических связей эстетики и философской онтологии.

2. Соотнести структуру эстетического и метафизического переживания. Определить место эстетического созерцания в структуре онтологического познания.

3. Дать анализ философской онтологии в системе утверждения вкуса и выявить эстетические аспекты легитимации онтологического дискурса.

4. Определить место эстетического удовольствия в механизмах философской сублимации.

5. Рассмотреть миметические основания философской онтологии как фигуративной типологии, построенной на теоретическом вымысле.

6. Совершить эстетическую реконструкцию философских онтологий (кантовской, романтической, спекулятивной, феноменолого-экзистенциальной), в которых наиболее полно раскрываются эстетические возможности философской деятельности.

Теоретико-методологическая основа исследования

Наиболее значимыми для данного исследования явилась аристотелевская миметология, эстетическая рефлексия И. Канта, теория иронии иенских романтиков, идея «эстетической философии» Гегеля и Шеллинга, концепция онтологического познания М. Хайдеггера.

Теоретическим базисом данного исследования явились: аристотелевская идея миметического основания познания, целый комплекс положений кантовской философии (центральное место эстетики в философской системе и определяющая роль рефлектирующего суждения; учение об эстетических формах как условиях познания; определение принципа удовольствия как главного катализатора познавательного процесса: анализ эстетического чувства как онтологического (чувство возвышенного) и др.), идея связи разумной систематизации и эстетических способов понимания в «эстетической философии» Гегеля и Шеллинга, обоснование иронического метода как средства философского познания у романтиков, положение о фиктивной сущности философского разума Ф. Ницше, хайдеггеровская теория трансцендентального воображения как основания внутренней возможности онтологического познания, гадамеровская идея о соединении эстетики и герменевтики, трактовка «эстетического вкуса» П. Бурдье, проект «эстетики существования» М.Фуко, принципы «иронического теоретизирования» Р.Рорти.

Большую роль в развитии замысла, оформления главных направлений исследования сыграло тщательное изучение работ современных французских и американских постструктуралистов, в которых «эстетическое» выступает привилегированным пространством критической активности, направленной на анализ философской деятельности. В числе таких исследователей: Батай Ж., Деррида Ж., Лаку-Лабарт Ф., Лиотар Ф., де Ман П., Нанси Ж.

В процессе эстетической реконструкции философских онтологий были особенно важны работы Лиотара Ж., Соломона Р., Иглтона Т., Гаше Р., Читри Р., Делеза Ж., Зонди П., Хэрриса Х., Тэйлора Ч., Д. Кэролла, Р. Маккрила. Неоценимую помощь оказали теоретические наблюдения русских мыслителей: И.Ильина, Г.Флоровского, Я.Голосовкера.

Главным методологическим принципом данного исследования является переосмысление сложившихся отношений между эстетикой и философией через трансформацию этих областей, которая внутренне ориентирует их на встречу друг к другу. Поскольку соотношение эстетики и онтологии нельзя понимать в системе однонаправленной каузальности, то главным методом исследования становится постоянная ***проблематизация***, совершающаяся на границе взаимодействия эстетического и философского поля. Подобный метод подразумевает целостную дискурсивную практику, которая вводит в указанное взаимодействие игровой момент, определяя его как главный теоретический объект данного диссертационного исследования.

Понятие «философской онтологии» не представляет собой относительно самостоятельного феномена, отделенного от историко-философского процесса. На наш взгляд это понятие обретает порядок в образе определенного ментального конструкта лишь благодаря методологически целостной интерпретативной деятельности, направленной на различные исторически определенные философские онтологии.

Анализ соотношения эстетики и философской онтологии возможен исключительно средствами сравнительных и типологических исследований на основе широкого и разнообразного историко-философского материала. Только при такой методике наиболее успешно выявляются внутрисистемные и функционально эквивалентные признаки качественно различных онтологических моделей.

Нужно отметить, что для выполненного исследования наиболее интересной была модель отношений между эстетикой и метафизикой, при которой возникало внутреннее напряжение между двумя полюсами, каждый из которых пытался стать ведущей силой или стремился поставить существование другого полюса под вопрос.

Главным методологическим параметром явилась идея гомологии и структурной эквивалентности эстетического и философского пространства. Схожесть структурных и функциональных механизмов философской и эстетической деятельности освобождает интерпретативное пространство там, где особенно настойчиво проступают междисциплинарные границы. Именно такое поле интерпретации выступает основанием формирования гипотез, которые приводят не только к новому структурированию предмета исследования, но и выдвижению новой научной концепции.

Научная новизна исследования

1. Фактически впервые в отечественной исследовательской литературе выдвигается целостная научная концепция, направленная на всестороннее рассмотрение эстетического поля в качестве основания философской онтологии. Впервые предпринята попытка анализа природы онтологического познания сквозь призму эстетического познания.

2. Методологически новым является совмещение теоретико-философского, метафилософского и эстетического подхода при анализе онтологического познания. Исчерпывающим образом представлен и обработан малоизученный материал современной западной философской мысли, касающийся основной проблемы исследования.

3. Впервые разработана теоретико-рефлексивая модель соотношения эстетического и онтологического познания на различных уровнях философской деятельности. Доказана правомерность эстетизированной интерпретации онтологического метода и философских систем, являющихся его результатом.

4. Впервые выделяются эстетические основания философской онтологии: эстетическое созерцание, миметический механизм, вкусовые преференции, метафизическое наслаждение.

5. Впервые эстетические понятия эксплицируются как понятия онтологические. Выявляются взаимосвязи между эстетическими и онтологическими категориями.

6. По-новому реконструированы с позиции их эстетических оснований наиболее значимые историко-философские типы онтологического познания. Через эстетический фактор выявлена их общность и преемственность.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В диссертационном исследовании утверждается, что эстетическое и онтологическое познание имеют генетическую сдвоенность: одинаковую направленность, схожесть структурных и функциональных механизмов. Показано, что подобная гомология проявляется в историческом и проблемно-теоретическом аспекте.

В историческом плане она нашла отражение в теориях «эстетического освобождения экзистенции» от Шиллера до Фуко и Рорти, в которых эстетический опыт рассматривается как главный принцип самосознания и жизненного праксиса, а метафизическая потребность человека имеет эстетический источник. В проблемно-теоретическом плане эстетика актуализирует две центральные проблемы онтологического знания – вопрос о

статусе существования/несуществования предметности и проблему подлинного/ неподлинного бытия. Эту актуализацию объясняет само направление движения эстезиса и его основная цель.

В работе доказывается, что эстетическое переживание наиболее полно репрезентирует содержание понятия «метафизического переживания» и является его порождающей моделью. Это определяется тремя основными причинами: во-первых, эстетическое переживание открыто культивирует «искусство» экзистенциального прогресса; во-вторых, процесс трансцендирования, являющейся движущей силой философской онтологии, возможен на базе эстетического созерцания; в-третьих, онтологическая природа эстетического познания в истории мысли была отрефлексирована раньше, чем экзистенциальная природа метафизического познания.

2. В диссертационном исследовании дано обоснование того, что философская онтология есть результат актуализации эстетического опыта в философском поле. Эстетическое созерцание выступает неотъемлемым компонентом метафизического переживания и органоном онтологического познания. Оно играет решающую роль в раскрытии онтологического смысла предмета, поскольку выявляет его возможности к саморазвитию. Кроме того, открытие онтологического смысла непосредственно связано с эстетическим принципом отстранения и дистанцирования. Философская онтология рассматривается как функция повтора, а эстетическое созерцание - как его главная движущая сила. Метафизическая потребность в повторении аналогична потребности в многократном эстетическом созерцании.

3. На основе анализа рефлексивной природы вкуса продемонстрировано подобие между утверждением вкуса и утверждением метафизической позиции. Онтологический дискурс выступает безошибочной материализацией вкуса философа. Эстетическое чувство, лежащее в основании вкуса, и философское чувство, определяющее характер онтологии, является чувством дистинкции. Оно проявляется в многочисленных тематических и стилистических процедурах выбора, исключающих все интеллектуальные феномены, рассматриваемые как нижестоящие и подчиненные по отношению к данному онтологическому проекту. Поскольку смысл философской активности представляет собой форму внутреннего неприятия «вульгарных», «наивных», «онтических» дискурсов, то механизм утверждения философской позиции рассматривается как вариант более широкого процесса «очищения», лежащего в основании рефлексивного вкуса.

Доказано, что эстетическое поле выступает более фундаментальным уровнем оценки условий возможности возникновения онтологического пространства. Онтологическое позиционирование является одновременно и эстетическим позиционированием, осуществляемым в форме философского высказывания. Онтология выступает как философской, так и эстетической стратегией внутри философского поля.

4. Философская онтология находит свое обоснование в системе: а) интереса в выражении метафизического содержания; б) формы, используемой для легитимации философского текста и дистанцирования от профанных позиций, и в) цензуры философского поля, к которому принадлежит мыслитель. В системе этих отношений онтологический дискурс утверждается как опыт сублимации, навязанный цензурой философского поля. В работе показано центральное место принципа эстетического удовольствия в механизме сублимации.

Доказывается существование метафизического удовольствия, причиной которого является преодоление моментов присутствия, критических и догматических указаний, присущих философскому полю и функционирующих аналогично запрету на осуществление онтологического желания, связанного с процессом экзистенциального самовыявления. Средством достижение такого удовольствия служит

выраженный в технике философствования процесс формообразования, «снимающий» запреты и выявляющий онтологическое содержание. В этом смысле утверждается тождество эстетической формы и духовного содержания. Стиль философствования становится тождественен онтологическому содержанию, а источником метафизического удовольствия выступает эстетическое удовольствие.

5. В данном исследовании онтология проинтерпретирована как цензуируемая форма, имеющая типологический характер. Основой фигуративной онтологии является теоретический вымысел, основанный на миметических процедурах.

В результате проведенного анализа в логике мимесиса обнаружены основания метафизического творчества, а сам мимесис объявлен движущей силой философской онтологии. Основная онтологическая проблема собственности и присвоения рассмотрена в системе миметического механизма. Утверждается, что парадоксальная логика мимесиса, предполагающая бесконечное колебание и обмен между пристутсвием и отсутствием, тождеством и разницей, присвоением и растратой, создает эффект «задержки», являющейся определяющим для всего онтологического движения. Выдвигается понятие «фундаментального мимесиса», который мыслится как источник всех репрезентаций.

6. В свете изложенного теоретического подхода в работе вскрыты эстетические основания онтологии в философии Канта: принцип удовольствия как основа систематической целостности философии, незаинтересованность созерцания, инициирующая герменевтико-онтологический интерес и феномен «возвышенного» как механизм трансформации эстетического чувства в онтологическое.

7. В диссертации субъект «иронической философии» выступает наиболее эвристичной моделью анализа соотношения эстетического и метафизического горизонта. Философская онтология представляется наиболее высокой формой Witz, существующей в системе теоретического мышления. На основе анализа романтической философии делается заключение о существовании философской онтологии в двух формах - негативно-эстетической и позитивно-метафизической.

8. В исследовании доказывается, что спекулятивная философия является подлинно «эстетической философией», ибо центральную роль в ней играет эстетическое созерцание. Именно за счет эстетической интуиции, выражающей сущность интеллектуальной интуиции, происходит самообъективация философского познания и развертывание философской онтологии. Основные принципы конституирования философской системы, являющейся продуктом свободного акта самораскрытия субъекта, полностью уподобляются принципам конституирования произведения искусства.

9. На основе теоретических положений диссертации эксплицируются эстетические основания фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Выявлен «эстетический» стиль существования Dasein, проявляющийся как в идее гармонического соотнесения с миром, так и идее романтического бунта против повседневных условий жизни. Определено соотношение иронического и метафизического горизонта в философском мышлении Хайдеггера, роль вымысла в его философии, который становится сутью экзистенциального переживания.

Теоретическая и практическая значимость.

Концептуальный аппарат эстетики в силах предоставить онтологии вполне эффективный аналитический инструментарий для выявления ее структурных свойств. Эстетические понятия, рассматриваемые как онтологические, значительно расширяют концептуальный аппарат исследования онтологического познания. Единая модель эстетического объяснения механизмов возникновения онтологий

различного типа в истории философской мысли должна преодолеть серьезные герменевтические трудности адекватного описания онтологических проектов. Именно эстетический подход способен предложить целостное осмысление на первый взгляд не связанных явлений в истории философии и совершить гипотетическую редукцию многообразия метафизического опыта к ряду явлений, поддающихся сравнению.

Новый метафилософский подход открывает путь к теоретическому поиску в философских онтологиях того, что ранее исследовалось только в сфере художественного мышления. Открытие эстетических возможностей онтологического метода углубляют и конкретизируют наши представления о специфике философского мышления как особой формы человеческого существования. Работа стремится развить и наполнить конкретным содержанием положение о творческом характере философской деятельности, критической направленности современной философской практики. Теоретические положения исследования могут служить методологическим основанием широкомасштабной эстетической реконструкции философских систем и метафизических положений.

Данные диссертации могут предложить новую методологическую основу университетских курсов по онтологии, метафилософии и истории философии.

Апробация научных результатов

Материалы диссертации использовались в лекционных курсах по истории философии и эстетики, читаемых студентам философского факультета с 1995 года. Отдельные фрагменты работы были использованы в курсах по истории философии и эстетики, читавшихся студентам философского факультета ТГУ.

Основные положения диссертации излагались в виде докладов на региональных и международных конференциях: Шпетовских и Копнинских чтениях, конференциях «Дифиниции культуры» и др.

Главные идеи, выводы и наблюдения были отражены в научных публикациях – двух монографиях, учебном пособии к спецкурсу и многочисленных статьях.

Материалы диссертации рассматривались в виде научного доклада на теоретическом семинаре Философского факультета ТГУ. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедры истории философии и логики и кафедры онтологии и теории познания Философского факультета Томского госуниверситета.

Структура работы. Структура данной работы определена целью исследования, логикой изложения и отражает последовательность решения поставленных задач. В первой части дан детальный систематический анализ внутренней гомогенности эстетического и онтологического познания. Во второй мы показали то, каким образом каждый выбранный нами исторически осуществленный тип философской онтологии может быть представлен как возможное решение проблемы структурной гомологии эстетического и философского поля и проблемы их взаимной трансформации.

Работа состоит из двух частей, пяти глав, введения и заключения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень теоретической разработанности темы, формулируются основные цели и задачи, определяется новизна, практическая и теоретическая значимость работы, ее структура.

Часть первая посвящена созданию концепции эстетического анализа философской онтологии. В **первой главе** «Эстетическое и онтологическое познание» обосновываются основные исходные принципы анализа эстетических возможностей философской онтологии, выявляются исторические и логические связи между эстетическим и онтологическим познанием, рассматривается специфика онтологического познания в аспекте эстетических концептов: «эстетическое созерцание», «вкус», «принцип удовольствия», «мимесис».

В **первом параграфе** «Генетические связи онтологии и эстетики» прослеживает связь эстетики и онтологии с момента возникновения эстетики как философской дисциплины. Доказывается, что уже изначально эстетическая функция выступала в качестве экзистенциальной. Категории эстетики являлись категориями чувственного познания. Поскольку эстетика возникает как теория чувственности, а чувственный феномен характеризуется ярко выраженной индивидуальностью, избегающей логической генерализации, то эстетический опыт используется для прояснения исторических форм существования, становясь адекватным пространством рассмотрения индивидуальных и уникальных сущностей. Эстетическая система становится релевантной отологическим процессам, связанным со свободным самовыявлением феноменов.

Впоследствии в работе прослеживается связь эстетических и экзистенциальных проблем на основе теории «эстетического освобождения экзистенции». Подобные теории эстетизации человеческого существования распространяются от метафизического полюса (Руссо, Кант, Шеллинг, Гегель) до социально-революционного (Г.Маркузе) и политико-консервативного (Ю. Хабермас, Х. Арендт). В этой же связи рассматриваются постулаты эстетической антропологии Ф. Шиллера (только эстетический человек полностью воплощает идею человеческого бытия) и эстетической онтологии Ф. Ницше (мир может быть оправдан только как эстетический феномен).

Во **втором параграфе** «От «эстетики существования» - к «ироническому теоретизированию» проблема «эстетического освобождения экзистенции» рассматривается в теории «эстетики существования» М. Фуко и «иронической философии» Р.Рорти.

Указывается, что для Фуко эстетический опыт - организующий принцип жизненного праксиса и важнейший фактор самосозидания субъекта. «Эстетика существования» разрабатывается совместно с «исторической онтологией Я». Подчеркивается, что именно Фуко реально указал на возможность рассмотрения основных метафизических принципов на базе фундаментального эстетического уровня, ибо для французского мыслителя эпистемологический принцип самопознания является производным от принципа «заботы о себе» как фундаментального для «эстетики существования». Гносеологический уровень вполне может рассматриваться на базе эстетического, что определяет серьезную зависимость теоретических проблем философии от процессов эстетизации человеческого существования и мышления. Проблема самосознания становится эстетической.

В дальнейшем отмечается, что процесс самосознания и самосозидания выступает важнейшей характеристикой «иронической философии» для Р. Рорти. Показывается, что «ироническое теоретизирование» своими дефинициями раскрывает сущность онтологического познания sui generis. При этом «иронический теоретик» рассматривается в системе ярко выраженных эстетических потребностей «прекрасного» и «возвышенного». Например, «возвышенное» становится основанием «метафизичности» философа. Подчеркивается, что именно Рорти непосредственно указал на эстетический источник метафизической потребности.

В **третьем параграфе** «Примитивный и рефлексивный эстезис» подвергается анализу эстетическое истолкование чувственного познания. Подчеркивается существование двух форм эстезиса: примитивной (телесной, пререфлексивной) и рефлексивной (связанной с принципом «незаинтересованного созерцания»). В связи с этим выделяется специфика эстетического созерцания, связанная с восхождением от сферы примитивных желаний и удовольствий к эстетическим.

Далее утверждается, что появление «высшего» эстетического желания, основанного на удовольствии от созерцания, обусловлено требованием сублимации (возвышения и очищения). Это означает, что процесс эстетического созерцания неизбежно связан с экзистенциальным прогрессом, поскольку сопровождается активным переходом на новый уровень бытия.

В акте эстетического созерцания свобода обретается за счет приостановки непосредственной привязанности к чувствам и нейтрализации аффекта. Свобода достигается ценой утраты интереса к существованию/не существованию представляемой вещи.

В заключении указывается, что проблема эстетического познания содержит в себе две центральные проблемы онтологического познания – вопрос о статусе существования/несуществования предметности и проблему подлинного/неподлинного бытия. Предполагается, что изначально эстетическое познание занимало место онтологического познания, не находящего своего метафизического применения в соответствии с определенным историко-философским периодом. Рассмотрение эстетического переживания как средства достижения подлинного существования позволяет поставить вопрос об эстетическом созерцании как основе экзистенциального существования человека и философской онтологии как его результате.

В **четвертом параграфе** «Основные задачи метафизического и эстетического познания» оба вида деятельности сравниваются в аспекте общности их целей и задач.

Прежде всего раскрывается смысл экзистенциальной задачи, которая вырастает из несовместимости двух уровней существования – конечного и бесконечного. Решение этой сложной несовместимости видится в активном изничтожении конечного ради спасения в вечном и бесконечном. Субъект совершает такой выбор между конечным и бесконечным, который способен продвинуть его на более высокий уровень бесконечности. Существование внутри такой диалектики является предельно сложной задачей. Для достижения онтологической цели пригодна лишь деконструктивная методология, имевшая в историко-философской традиции различные обозначения: от «двойной рефлексии» и «переоценки ценностей» до «деструкции» и «деконструкции».

Далее выделяются основные характеристики экзистенциального прогресса. Во-первых, понимание неподлинности внутренних и внешних определений существования, связанное с осознанием несоразмерности содержания сознания бытию философствующего. Во-вторых, поиск подлинного существования на пути осуществления негативной процедуры «снятия» привходящих определений существования.

В результате осуществляется сравнение основных задач онтологического и эстетического познания. Их объединяет экзистенциальный прогресс как основополагающий механизм развития. И в эстетическом, и метафизическом опыте важнейшим является: приостановка тезиса о существовании или не существовании мира, редукция «естественной установки», постановка вопроса о подлинном и неподлинном бытии.

В заключении показано, что эстетическое переживание наиболее ярко и полно репрезентирует само содержание понятия «метафизического переживания» и является его порождающей моделью. Это

определяется тремя основными причинами: во-первых, эстетическое переживание открыто культивирует «искусство» экзистенциального прогресса; во-вторых, экзистенциальный прогресс, являющейся движущей силой философской онтологии, возможен на базе эстетического созерцания; в-третьих, структура эстетического познания в истории мысли была выявлена и отрефлексирована раньше, чем структура онтологического познания и его экзистенциальная аналитика. Все это дает основание рассматривать эстетическое созерцание как органон онтологического познания.

В конце параграфа отмечается, что метафизическая природа существования тесно связана с такими эстетическими понятиями как «возвышенное», «комическое», «трагического». Каждое из них вполне может рассматриваться в контексте экзистенциального прогресса.

Пятый параграф «Место эстетического созерцания в философской онтологии» посвящен роли эстетического созерцания в конституировании философской онтологии. Эстетическое созерцание рассматривается как неотъемлемый компонент метафизического переживания. Философская онтология есть результат актуализации эстетического опыта в философском поле.

В дальнейшем раскрывается эстетический смысл «вопрошания». Утверждается, что призыв к «вопрошанию» является призывом к эстетическому созерцанию, которое играет решающую роль в раскрытии онтологического смысла благодаря выявлению возможности предмета к саморазвитию. Кроме того, открытие онтологического смысла предмета непосредственно связано с эстетическим принципом отстранения и дистанцирования.

Затем философская онтология анализируется сквозь призму принципа повтора, а эстетическое созерцание рассматривается как главная движущая сила механизма повтора. Выявляется эстетический смысл потребности в повторении у философствующего. Метафизическая потребность в повторении аналогична потребности субъекта в многократном эстетическом созерцании предмета.

Повторяемый предмет в философском поле и созерцаемый предмет в эстетическом носит характер идеала. В этой связи проводится сравнительный анализ метафизического и эстетического переживания в плане их двух струтктуробразующих актов: глубокого внутреннего интуитивного вживания в идеал и дистанциирование от него.

В дальнейшем показывается, что синтетический характер повтора определяется природой эстетического созерцания. Повтор синтетичен, поскольку увеличение дистанционности в обыгрывании темы ведет к структурному уплотнению вокруг повторяемого явления. Расширение смысловых значений, полученное в результате повтора, ведет к онтологической концентрации и формированию универсума.

В **шестом параграфе** «Вкус и онтологический дискурс» рассматривается соотношение вкуса и онтологического дискурса как закономерного результата потока метафизических переживаний. Подробно анализируется подобие между утверждением вкуса и утверждением метафизической позиции.

Любая активность вкуса связана с легитимацией норм собственного восприятия и ощущения. Поэтому вкус осуществляет перевод в любой символический порядок объективно существующих преференции, окружающих субъекта. Поскольку вкус есть интегративная характеристика жизненного стиля, укоренен на уровне габитуса, то он вполне способен осуществлять перенос собственных предпочтений на уровень символического выражения метафизической позиции. Отсюда можно допустить, что утверждение философского текста как определенного символического порядка есть выражение и утверждения вкуса.

Далее утверждается, что эстетическое чувство, лежащее в основании вкуса, и философское чувство, определяющее характер онтологического дискурса, являются чувством дистинкции. А потому вкусы, как и

онтологические дискурсы – это утверждения различий, которые всегда оказываются отрицаниями других позиций. Основой отрицательной позиции является чувство «отвращения» к «вульгарным» диспозициям, которые принципиально не могут быть освоены данным онтологическим проектом.

В **седьмом параграфе** «Проблема гомологии эстетического и философского поля», во многом опираясь на методологические положения П.Бурдье, анализируется гомологичность эстетической и философской сублимации. Основой выступет проблема объективной истинности философского дискурса.

Философский текст стремится ратифицировать себя как «незаинтересованный» дискурс, независимый от обыденных, онтических, эмпирических дискурсов. В пространстве философского знания философ должен обнаружить такую диспозицию, которая бы помогла отграничиться от уже устоявшихся философско-теоретических позиций. В своем желании выстраивать дистанцию, мыслитель действует так, как если бы *существование* его философского дискурса было индифферентно по отношению к его социально-психологическим, культурно-историческим и национальным особенностям. Это серьезно сближает метафизическую и эстетическую установку.

Впоследствии отмечается, что, несмотря на декларируемую самостоятельность и индивидуальность философской онтологии, ее появление связано с глубинным дорефлексивным пребыванием мыслителя внутри метафизического поля. Всякое радикальное вопрошание вписано в систему интересов, связанную с членством в обширном философском поле. Существование этого поля предусматривает соответствующую систему цензур, создающую «эффект поля». Для философа невозможно утверждать свое существование путем практического эпохэ «философского поля».

Утверждается, что философская онтология является безошибочной материализацией вкуса философа. Это проявляется в распределении внимания и интенсивности мысли, ее стилистических и эстетических качествах. Смысл дистинкций проявляется не столько в самоуверенных личностных позитивных декларациях, сколько в многочисленных тематических и стилистических процедурах выбора, которые исключают все формы интеллектуальной активности, рассматриваемые как нижестоящие и подчиненные по отношению к данному онтологическому проекту.

В заключении делается вывод о том, что онтологическое позиционирование будет одновременно являться эстетическим, но в форме исключительно философского высказывания. В таком случае философская стратегия производства окажется еще и эстетической стратегией внутри философского поля. Онтология может рассматриваться как философская, так и эстетическая стратегии внутри философского поля.

В **восьмом параграфе** «Философская форма и принцип наслаждения» анализируется место принципа наслаждения в философской онтологии. Во-первых, утверждается, что онтологический дискурс разворачивается между двумя основными компонентами: желанием нечто выразить и цензурой, препятствующей этому желанию.

Соотношение желания выражения и цензуры создает формообразующую интенцию мыслителя, создающего онтологический проект. В связи с этим философская онтология вполне может рассматриваться в системе онтологического интереса в выражении, формы и цензуры философского поля к которому принадлежит мыслитель. Онтологический дискурс – это опыт сублимации, навязанный цензурой философского поля.

Далее отмечается, что через придание интенции выражения формы происходит процедура легитимации философского текста как философского. Эстетический компонент оценки философского текста

как своеобразной формы есть акт признания его в качестве философского. Однако работа над формой у мыслителя - не только средство легитимации дискурса, но и опыт дистанциирования от вульгарных и доксических позиций, который делает онтологический дискурс именно тем, каким он и должен быть: отдаленным, несвоевременным, недоступным для профанного прочтения, то есть свободным и автономным.

Далее метафизический дискурс рассматривается как эвфемизированный. Анализируются «эффекты эвфемизации»: эстетическая сложность, непрозрачность, стратегия «ложного разрыва». Таким образом, формообразование является необходимым средством разрыва онтологического и онтического, истинного и вульгарного, подлинного и неподлинного и т.д.

В механизмах философской сублимации обнаруживается действие эстетического удовольствия и наслаждения. Для анализа привлекается понятие «предварительного удовольствия» З. Фрейда, которое образуется от доступа к подавленному содержанию, происходящего за счет формальной специфики острословия. Форма делает технически возможным подавленное содержание.

Далее допускается существование онтологического желания (желания философствовать). Можно предположить, что процедура формообразования делает данное желание возможным. В данном случае формой подавления онтологического желания являются критические запреты, действенные в философском поле. Эстетический способ обработки мыслительного процесса дает возможность обойти запреты. Таким образом, техника философствования (искусство философствования), репрезентирующее онтологическое содержание может рассматриваться как «предварительное удовольствие» или «заманчивая премия». В этом случае имеет смысл говорить о тождестве формальной техники и духовного содержания. Онтологическое содержание становится тождественным эстетической форме. В этом смысле мышление получает эстетическое удовольствия, рождаясь вместе со своей формой, обретая пластический аспект. Онтологическим содержанием становится сам стиль философствования.

Подчеркивается, что существует фундаментальное удовольствие, свойственное философствованию, причиной которого является преодоление границ, моментов присутствия как ставшего и наличного содержания, критических и догматических указаний, выставленных внутри самого процесса мысли и функционирующих аналогично запрету. Снятие «фактичности» является важнейшей целью экзистенциального прогресса. Механизм «снятия» присутствия оказывается тем фундаментальным «предварительным удовольствием», который, через искусство и технику философствования, дает возможность состояться философской онтологии.

В заключении делаются следующие выводы. Метафизическое удовольствие всегда случается только в момент рождения его эстетической формы. В философской деятельности то, что может доставить удовольствие, носит сугубо эстетический характер. Метафизическое удовольствие свершается только через самопредварение, самоувеличение, самоприбаление, то есть эстетическую форму, связанную с удовольствием от репрезентации. Источником метафизического удовольствия является эстетическое удовольствие (удовольствие от формы), которое дает возможность проявиться онтологическому содержанию. Метафизическое удовольствие черпает свое удовольствие в другом удовольствии - эстетическом, являющимся предметом наших чувств.

Девятый параграф «Фиктивно-миметическая основа философской онтологии» посвящен анализу миметических особенностей онтологического познания.

Прежде всего отмечается, что неотвратимое стремление к выражению и цензура философского поля рождает эффект сопротивления и прерывания как главных элементов любой философской онтологии. С

другой стороны, если метафизическое желание способно актуализироваться только через механизмы формообразования, то сущность онтологии будет определяться через понятие «теоретического вымысла». А если философская онтология является последовательностью цензурируемых форм, служащих целям переноса или трансформации преференций мыслителя в поле его автобиографии, то тогда подобная фигуративная онтология будет онтологией вымысла.

Далее, на основе работ Канта, Ницше, Хайдеггера и Лаку-Лабарта, анализируется роль «фиктивного» в философском знании. Отмечается, что вымысел связан с категоризацией и схематизацией. Идеализирующая природа разума основана на воображении. Западная онтология является, по сути, «эйдоэстетикой» (Лаку-Лабарт). Выражением эстетического отношения, обуславливающего природу репрезентативных мыслительных процедур, является мимесис. На самом глубинном уровне миметология совпадает с эйдетической типологией, идеалистической категоризацией, составляющих основу западной метафизики.

Затем проблема эстетической сущности философского разума анализируется в системе отношений: мимесис - драма - театр. Взаимодействие теоретико-театрального и философско-миметического механизма прослеживается в философии Платона и Дидро.

Механизм мимесиса рассматривается в тесной связи с центральной проблемой онтологии - проблемы собственности и присвоения. Парадоксальная логика мимесиса, предполагающая бесконечное колебание и обмен между пристутсвием и отсутствием, тождеством и разницей, присвоением и растратой, является определяющим для онтологического движения. Мимесис создает эффект «задержки», который становится конституирующим для онтологии. Выдвигается понятие «фундаментального мимесиса», который мыслится как источник всех репрезентаций вне контекста подражания и репрезентации.

Вторая часть диссертационного исследования посвящена эстетической реконструкции философских онтологий различного типа. **Глава вторая** «Критическая философия Канта: система удовольствия/неудовольствия» рассматривает философию Канта с точки зрения ее эстетических возможностей**.**

В **первом параграфе** «Эстетика и философия в системе «эстетического схематизма» И. Канта» рассматривается специфика соотношения философии и эстетики в системе Канта в рамках его «эстетического схематизма». Утверждается, что у Канта «эстетическое» есть основа познания, искусство – основа техники разума, а вкус – общая схема опыта и удовольствия, получаемого от него.

Второй параграф «Принцип удовольствия как фундаментальный стимул познания и основа систематической целостности философии» посвящен анализу места принципа удовольствия в философской системе Канта. В результате показывается, что принцип удовольствия является главным стимулом для активного развития познавательных процессов. Эстетическое удовольствие указывает на предназначение разума, результат познания и дает философской теории принцип внутренней целесообразности, обеспечивающий ее подлинной систематической силой.

В **третьем параграфе** «Незаинтересованное эстетическое удовольствие и герменевтический интерес» аристотелевская теория мимесиса анализируется в системе кантовской философии искусства. В параграфе показано, что незаинтересованный характер эстетического удовольствия - источник морального интереса, который является герменевтическим интересом.

Четвертый параграф объясняет то, каким образом фундаментализация эстетического опыта у Канта становится причиной его онтологизации, рассматриваемой сквозь призму проблемы «возвышенного». В начале параграфа эксплицируются кантовские представления о понятии «величины» в «Критике способности суждения». Эстетическое определение величины у Канта определяет научное рационально-рефлексивное понимание. Вся система синтезов воображения, отвечающая за процесс понимания в теоретической сфере, покоится на столь ненадежном основании как субъективный выбор чувственного масштаба. Возвышенное разрушает эстетическую способность схватывания.

В дальнейшем эстетическое чувство возвышенного специфицируется как онтологическое чувство, а затем раскрывается эстетический смысл «рефлексивной манеры мышления» (Лиотар). Утверждается, что эстетическое измерение открывает путь критической мысли, а чувство возвышенного является существенным моментом, вскрывающим априори концептуального мышления. Эстетика обеспечивает мышление рефлексивным потенциалом. Эстетическое чувство у Канта превращается в чувство онтологическое. В этом случае, оно - ощущение не вещи (или ее представления), а распри (differend), то есть «непредставимого». Понятие возвышенного входит в онтологическую проблематику присутствия-события. Проблема возвышенного связана с невозможностью присутствия представления, свойственного событию в его абсолютной форме. Подчеркивается, что возвышенное конституирует парадокс самой эстетики: представляемости непредставимого, удовольствия от неудовольствия.

В **пятом параграфе** «Эстетический материализм vs эстетический феноменализм» «возвышенное» рассматривается как критический эстетический конструкт, противостоящий «эстетической идеологии» (П.деМан). Подчеркивается критическая важность эстетически сконструированных, дегуманизированных (лишенных онтического содержания) форм как онтологических моделей, которые дают возможность идентифицировать различные «идеологические» способы их антропологизации или прагматизации.

В **третьей главе** «Соотношение Witz и Cogito в субъекте «иронической философии» выявляется сложная взаимозависимость иронического и философского типа мышления.

В **первом параграфе** обосновываются причины по которым ироническая философия является идеальной теоретической моделью анализа соотношения эстетического и философского поля. В центре внимания оказывается категория Witz, определившая статус существования эстетики в европейской культуре и философии. Главным продуктом способности Witz является критическое суждение. Доказывается, что соотношение разумно-рационального и эстетического в философском рационализме XVII-XVIII века приобретает характер сложного двойничества. Способность Witz является для философии как предметом критики, так и продуктивным источником. Рассматривается специфика противопоставления эстетического и метафизического знания за счет противопоставления Cogito и Witz. Особое внимание уделяется романтизму, который подробно разработал теорию Witz.

Во **втором параграфе** выявляется логика взаимоотношения иронического и метафизического горизонта. Выявляется механизм перехода этих двух близлежащих состояний внутри единого субъекта метафизического переживания. Доказывается, что специфика горизонта Witz как особого приема созерцания является источником выдвижения метафизического горизонта, нацеленного на поиск онтологического смысла. При этом иронический горизонт, становясь частью процесса философствования, перестает быть ироническим, начиная служить основой философских синтезов. Далее в работе тематизируется зарождение

метафизической деятельности в эстетизированном горизонте иронии. В заключении говорится о двух формах существования философской онтологии – Witz и Cogito.

В **третьем параграфе** рассматриваются размышления Ж.Л. Нанси по поводу соотношения эстетического и философского познания, который, описывая переход от эстетического желания к метафизическому, видит его причину в природе и целях философской эстетики.

Четвертая глава «Эстетические основания спекулятивной философии» посвящена эстетическим истокам классического немецкого идеализма и его спекулятивного метода.

В **первом параграфе** “Эстетическая философия”: основные принципы и архитектоника» рассматриваются кантовские эстетические принципы как основание спекулятивной онтологии. Подчеркивается, что для Канта эстетика становится фундаментальной эпистемологической дисциплиной, а эстетическое суждение - центральной проблемой построения философской системы. Далее разбираются основные принципы “Первой программы системы немецкого идеализма” (1796) Гегеля как основного манифеста «эстетической философии». Выявляется связь и преемственность кантовских и гегелевских идей. Утверждается, что модель спекулятивной философии как “эстетической философии” имеет своей целью проецирование кантовского эстетического идеала (идеи красоты) внутрь онтологии и превращение его в философско-онтологический миф.

Затем внимание исследования концентрируется на эстетическом смысле понятия «интеллектуальной интуиции». Спекулятивная философия основана на свободном акте самополгагания, который является причиной ее самодвижения. В этом смысле философская теория уподобляется художественному произведению. Мы полагаем, что принципы самозамкнутости и автореферентности произведения искусства, единства его формы и содержания, высказывания и акта высказывания были спроецированы в трансцендентальной спекулятивной философии в структуру всех теоретических аргументов, образующих систематическое целое.

Анализ философии Шеллинга и Гегеля приводит к выводу о том, что именно за счет эстетической интуиции происходит самообъективация философского познания и развертывание философской онтологии, и именно к ней, как к подлинной интеллектуальной интуиции, выраженной в материале искусства, философия стремится в процессе своего самодвижения. В работе подчеркивается необходимая роль продуктивного воображения в системе трансцендентального идеализма. Спекулятивная логика интерпретируется как «логика воображения» (Я.Голосовкер).

После этого в работе рассматривается художественный формализм философии тождества. В этом вопросе исследование опирается на работы Г.Флоровского, И.Ильина, Я.Голосовкера, выстраивающих целые тематические области эстетической интерпретации философии тождества. Утверждается, что формализм идеалистической мысли обусловлен его ярко выраженной эстетической тенденцией. В работе исследуются пластические и архитектонические особенности немецкого философского мышления. Немаловажное значение при этом имеет обращение к гегелевской «Феноменологии духа». А завершается данный параграф обращением к ритмическим особенностям гегелевского философского метода.

Второй параграф «Эстетические резонансы спекулятивной семиологии» посвящен эстетической интерпретации спекулятивной семиологии Гегеля. В основу положены взгляды Деррида и де Мана, рассматривающих семиологию как важнейшее средство онтологии и анализирующих связь понимания бытия как присутствия и знака как перехода. Главная задача этой части работы - интерпретация эстетического знака как средства онтологического познания и выявление его функций в логике перехода.

Подчеркивается, что переходный характер знака у Гегеля глубоко укоренен в эстетической сфере. Ведь основание семиологии, являющейся важнейшим средством онтологии, обнаруживается в теории воображения. Знак у Гегеля демонстрирует сам диалектический принцип и становится переходом или моментом развития рациональности в свете истинного познания.

Далее анализируются функции знака в спекулятивной теории субъекта. Для того чтобы показать роль эстетики в решении центральной онтологической проблемы самопознания духа в работе по-новому истолковывается спекулятивная концепция Я сквозь призму гегелевского различения между знаком и символом.

В заключении утверждается, что эстетика, являясь важнейшим средством способным помочь мышлению избежать мучительного и неизбежного самоуничтожения, становится защитным средством против парадокса, лежащего в основании гегелевской системы. Подчеркивается, что сама начальная точка процесса мышления немыслимы без эстетического аспекта. Путь мысли структурируется таким же образом как лингвистическая запись в процессе припоминания. Именно эстетический аспект памяти выводит из паралича всю спекулятивную систему, укорененную в апориях спекулятивного Я. Именно эстетическая составляющая активной интеллигенции обеспечивает защиту теоретического духа от неизбежного процесса его самоуничтожения.

Третий параграф четвертой главы «Трагическое и спекулятивное» посвящен анализу связи эстетического мира трагедии и основных принципов и методов философии тождества. Эстетическая модель трагедии рассматривается как основа метафизики.

Подчеркивается важнейшая роль модели трагедии в деле обоснования спекулятивной диалектики. Трагедия рассматривается в качестве источника диалектического мышления. Философия Шеллинга берется как наглядный пример обоснование диалектики через модель трагедии.

Далее анализируется вопрос связи аристотелевской теории мимесиса и спекулятивной теории трагедии. В работе показывается глубокая связь аристотелевской миметологии и идеалистической «философии трагедии». Особое внимание в исследовании уделяется теории трагедии Гельдерлина, которая идет вразрез со спекулятивной трактовкой. Гельдерлиновский поворот к аристотелевкой теории мимесиса выводит как за пределы греческой теории трагедии, так и за пределы спекулятивной теории. В работе показано, что миметическая структура трагедии разрушает ее структурно-диалектическую организацию. Новая концепция трагедии Гельдерлина является знаком выхода за пределы спекулятивного мышления. «Трагическое» не способно обрести законченную форму. Тормозящий процесс ритмического чередования противоположных полюсов запрещает примиряющий синтез. Подчеркивается, что гельдерилновская «циклотимия» глубоко связана с особенностями переходного состояния хайдеггеровского Dasein. Кроме того, разрыв цикличности в трагедии непосредственно связан с изменением понятия времени. Линейная форма времени становится подвержена «цезуре».

В заключении говорится, что Гельдерлин становится выразителем кантовской философской критической силы, которая обозначает глубинный кризисный разрыв между двумя сферами человеческой деятельности – моральной и познавательной. Мышление Гельдерлина знаменует собой завершение колоссальной метафизической программы.

Пятая глава диссертации «Эстетические аспекты экзистенциальной аналитики Мартина Хайдеггера» посвящена рассмотрению экзистенциальной аналитики, особенностей мышления Хайдеггера и его философского метода через эстетический ракурс.

В **первом параграфе** «Эстетический смысл основных принципов фундаментальной онтологии» постулируется принципиальная связь онтологии «Dasein» и кантовской эстетики. Утверждается, что ностальгия как фундаментальное настроение философствования имеет эстетический характер, ибо связана с потребностью в гармонии и целостности. Хайдеггеровское понятие «предпонимания», указывающее на изначальную схваченность феномена, возвращает нас к кантовскому фундаментальному эстетическому изумлению по поводу постижимости мира как целого, выраженного в переживании прекрасного. В систему собственной мысли Хайдеггер переводит и кантовское понятие эстетической «незаинтересованности», которое становится эквивалентным хайдеггеровскому «бытию».

Для Хайдеггера человеческое существование «эстетично» в своих наиболее фундаментальных структурах. Об этом свидетельствует его критика Канта в работе «Кант и проблема метафизики». На своем фундаментальном уровне познание есть созерцание, поскольку именно оно устанавливает изначальное отношение с предметами.

«Эстетика» в «Бытии и времени» может присутствовать только как воспризнание неизбежной «мировости» всех значений и смыслов. Изначальная заброшенность в сердцевину сущего и нерефлексивное телесное переживание мира является фактом эстетическим. Познание связано с разрывом и отдалением этой спонтанной согласованности с объектами, которую гарантирует наша телесная структура. В этой ранней

«эстетичности», основанной на установлении пререфлексивных оснований познания, хайдеггеровский проект выглядит очень продуктивно. «Эстетическое» здесь рассматривается как аутентичный, аутореферентный стиль бытия. Как «бытие-в-мире», Dasein имеет изначальные феноменологическую коннотацию эстетического. Даже если Dasein не является сугубо *чувственным* феноменом, он, населяя область аффективного и соматического, отмечен своей биологической конечностью и восходит к некотором изначальной плотности вещей, несводимой к абстрактному разуму.

Далее показывается, что «эстетический» стиль существования Dasein проявляется как в идее гармонического соотнесения с миром, так и в идее романтического бунта против повседневных условий жизни.

В заключении делается вывод о том, что в «Бытии и времени» существует два смысла эстетического основания Dasein. Первый смысл выражает кантовскую эстетику гармонического соотнесения с миром. Это заложено в таких важнейших онтологических понятиях как «бытие-в-мире», «предпонимание», «подручность», «фундаментальная настроенность» и др. Второй смысл в большей степени выражает эстетику романтического бунта, отраженного в понятиях «подлинного» существования Dasein, «бытия-к-смерти», «решимости» и т.д.

Во **втором параграфе** «Хайдеггер как «иронический философ» рассматриваются иронические особенности мышления немецкого философа. «Ироническое теоретизирование» (Р.Рорти) демонстрируется на примере работы «Основные понятия метафизики». Показывается соотношение иронического и метафизического горизонта мысли Хайдеггера. Анализируется принцип повторения в философии Хайдеггера, выраженный понятием «выговаривания», а также принцип «серьезности» и «неудостоверенности» в результатах своей мысли.

В **третьем параграфе** «Вымысел как итог философского истолкования» подчеркивается роль вымысла в эстетическом и философском поле. Эти идеи демонстрируются на примере знаменитой интерпретации «башмаков» Ван Гога. Результатом проведенного анализа является положение о вымысле как сущности экзистенциального переживания у Хайдеггера.

В **Заключении** формулируются основные выводы исследования, намечающие направления дальнейшей разработки данной темы.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Найман Е.А. Кантовское понятие "схемы" в работе А. Белого "О смысле познания" // Наука. Философия. Культура. Томск, Томский ун-т. 1990. С.211-220. Деп. в ИНИОН АН СССР 12.06.90, № 42094.

2. Найман Е.А. Онтологизм иронии // Проблемы исследования знания и культуры. Томск, Томский ун-т. 1994. С. 96-102. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.07.94, № 49527.

3. Найман Е.А. "Скрытые" метафоры в метафизике // Природа, общество, человек. Томск, 1995. С. 84-85.

4. Найман Е.А. Понятие "дискурса" у Фуко // Философия и культура. Кемерово: Изд-во КГУ. 1996. С. 38-44.

5. Найман Е.А. Либеральная мифология в зеркале кантовской эстетики // Культура как способ бытия человека в мире. Томск: Томский гос. ун-т. 1996. С. 191-193.

6. Найман Е.А. Образ философии в "постфилософской культуре" // Дефиниции культуры. Томск: Томский гос. ун-т, 1996. Вып. 2. С. 101 - 105.

7. Найман Е.А. Деконструктивная методология Ж. Деррида // Учебно-методическое пособие к спецкурсу. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. 100 С.

8. Найман Е.А. "Письмо" против герменевтического аспекта коммуникации и контекста // Творческое наследие Г.Г.Шпета и современные философские проблемы. Comprehensio. Вторые Шпетовские чтения. Томск: Изд-во "Водолей", 1997. С. 123-130.

9. Найман Е.А. Проблема эстетического суждения в "Лекциях по эстетике" Л. Витгенштейна // Десятая научная конференция. Труды. Юрга: Изд-во ТПУ, 1997. С. 107-109.

10. Найман Е.А. Идея бесконечности Р. Декарта в интерпретации Э. Левинаса // Методология науки. Сб. трудов участников всероссийского семинара. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып.2. Нетрадиционная методология. С. 151-155.

11. Найман Е.А. Суровцев В.А. От осмысления к чтению и письму // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Изд-во "Водолей", 1998. С. 6-10.

12. Найман Е.А. "Сцена письма" и "метаморфоза истины": Ж. Деррида - Ж. Делез // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Изд-во "Водолей", 1998. С.205-217.

13. Найман Е.А. Неожиданная встреча: Кант и Рембо // Вестник Томского государственного университета. Апрель, №267, 1999. С. 29-30.

14. Найман Е.А. Дискурс, фигура и нарратив у Ф. Лиотара // Дефиниции культуры. Вып. 4. ТГУ, 1999. С.137-150.

15. Найман Е.А. Вымысел как итог философского истолкования // Г.Г. Шпет / Comprehensio. Третьи Шпетовские чтения. Творческое наследие Г.Г. Шпета и философия XX века. Томск, Изд-во «Водолей», 1999. С. 103-107.

16. Найман Е.А. Язык, мысль, архитектура и божественное начало сквозь призму принципа дополнительности в мифе о Вавилонской башне у Ж. Деррида // На пути к новой рациональности. Томск, 2000. С. 22–30.

17. Найман Е.А. Философский концепт как функция историко-философской проблемы у Ж. Делеза // Философские дескрипты. Барнаул: Изд-во АГУ 2001. С. 160-166.

18. Найман Е.А. Игровой принцип в жизненном стиле и образовательной стратегии модерна и постмодерна // Сибирь. Философия. Образование. Альманах, 2000 (Вып. 4). Новокузнецк, 2001. С. 68-74.

19. Найман Е.А. К идее фундаментального мимесиса // Познание и культура. Сборник материалов научной конференции. Рубцовск: РИО, 2001. С. 30-35.

20. Найман Е.А. Эстетические проблемы толерантности // Исторические корни российской ментальности. Томск: Изд-во НТЛ, 2002. С. 98-103.

21. Найман Е.А. Эстетические основания спекулятивного мышления // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. № 9. Март 2003. Томск, ТГУ, 2003.
78 С.

22. Найман Е.А. Эстетизм хайдеггеровской онтологии // Вестник Томского государственного университета. №277. Томск, ТГУ, 2003. С.73-78.

23. Найман Е.А. К вопросу об истоках эпистемологической эстетизации // Философия образования. №7. Новосибирск, 2003. С. 212-217.

24. Найман Е.А. "Своевременные повторения" Густава Шпета // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания. Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 387-394.

25. Найман Е.А. Принцип удовольствия как основа систематической целостности философии // Известия Томского политехнического университета. Т. 306, № 5, 2003. С.112-117.

26. Найман Е.А. Эстетические основания философской онтологии Томск, Изд-во Том. ун-та, 2004. 290 С.